

ВОЙНА ТРЕХ МИРОВ

Андрэ Нортон — для России автор необычный. Можно сказать, культовый. Поскольку крайне необычна история переводов Нортон на русский язык и публикаций в России. С ее творчеством русский читатель познакомился в 1969 году. Тогда вышел первый роман из цикла Нортон о корабле «Королева Солнца» — «Саргассы в космосе». Переводчиками значились С. Бережков и С. Витин — так подписывали свои переводы Аркадий и Борис Стругацкие.

О том, как бережно Стругацкие относились к чужим текстам, ходят легенды. Нина Матвеевна Беркова, работавшая в 60-е годы бок о бок с Аркадием Натановичем в редакции издательства «Детская литература», вспоминала, что приходилось читать много самотека, небольшая комнатка была завалена рукописями, поэтому многие разговоры проходили в коридоре. Временами Стругацкий, отличавшийся высоким ростом, хватал миниатюрную Беркову, по ее собственному признанию, «за шиворот» из комнаты. «Малыш, ты послушай, какую интересную мысль я тут обнаружил», — говорил Аркадий Натанович и читал текст с листа. Действительно яркий и увлекательный. Нина Матвеевна поднималась на цыпочки, заглядывала в листок и видела, что Стругацкий чита-

ет не напечатанный на машинке текст, а рукописный, сделанный поверх. «Аркаша, да это же ты сам написал!» — восклицала Нина Матвеевна. А Стругацкий отвечал: «Но это же все там было, я только помог ему проявиться...»

Стругацкие, без сомнения, помогли проявиться в русском переводе всему лучшему, что было в произведении Андрэ Нортон. И писательница сразу же стала одной из самых популярных среди любителей фантастики. Однако издатели не спешили удовлетворять читательский интерес. Новых переводов произведений писательницы не последовало. Однако вскоре появился фантастический самиздат...

Это явление исследовано крайне мало. Много написано о политическом самиздате. Однако в эти же годы в машинописных распечатках ходила и фантастика, и детективы, и даже популярные руководства по занятиям сексом — словом, все, чего не хватало официальному книгоизданию.

Инженерно-технические работники (а фантастику читали в основном они) обкладывались словарями и с горем пополам переводили на русский с трудом добытые из-за границы книжки. А потом, так же как другие перепечатывали романы Солженицына и стихи Галича, печатали свои самопальные творения на той же, к примеру, «Эрике», которая, как известно, «берет четыре копии». А потом менялись ими с такими же энтузиастами. Или продавали. Потом это получило название ФЛП — фантастика в любительском переводе.

Одним из центров ФЛП в Советском Союзе стала Одесса. С одной стороны, культурные традиции, с другой — порт, а значит, связь с заграницей. Ну и ком-

мерческую жилку у одесситов не отнять — именно там обмен ФЛП превратился в бизнес. А книг не хватало. А уже вполне сформировавшийся подпольный рынок требовал новинок... Любители фантастики знали, что есть продолжение книжного цикла «Чумной корабль» — ничего, кроме названия. И вот среди одесских любителей фантастики появился вновь переведенный роман Нортон — продолжение «Саргассов в космосе». Ее написал некий любитель фантастики, имя которого осталось неизвестным. Прав был Остап Бендер, утверждавший, что вся контрабанда делается в Одессе, на Малой Арнаутской улице.

Позже, когда появился настоящий перевод «Чумного корабля», повесть переименовали в «Чумную планету». О том, что такой повести на языке оригинала нет, любители фантастики не знали.

В начале 90-х годов свободные издатели новой России активно принялись переиздавать произведения из самиздата уже в виде книг. Так тетралогия Нортон в русском переводе превратилась в пенталогию. Позже, когда ясности с американской фантастикой стало больше, «Чумную планету» стали включать в сборник Нортон уже в качестве приложения, поясняя, что это подражание неизвестного автора.

Тогда же, в начале 90-х, на русском языке появился перевод романа «Колдовской мир». И популярность его была невероятной. Это же была та самая Андрэ Нортон!

«Колдовской мир» Андрэ Нортон — одно из первых, если не самое первое произведение, в котором наука и магия не просто сосуществуют, но и сходятся в безжалостной схватке.

Впрочем, до определенного момента складывается представление, что перед нами увлекательная, динамичная — но в то же время довольно банальная история во вполне традиционной фэнтези-стилистике: Саймон Трегарт, некогда блестящий офицер, а ныне беглец, которого буквально за каждым углом подстерегает смертельная опасность, проходит некими магическими воротами — и оказывается в новом, идеально подходящем именно для него мире, где действуют законы волшебства, в котором его ждут головокружительные приключения — и, разумеется, любовь всей жизни. Прекрасные и могущественные ведьмы, коварные аристократы, мечи, арбалеты и кони — полный набор. Однако внезапно, к вящему удивлению не только героев, но и читателя, персонафицированным злом, главным протагонистом романа, вопреки всем стереотипам, выступают не зловредные черные колдуны, не очередной Темный Властелин, а... представители сугубо техногенной цивилизации, являющиеся здесь такими же чужаками, как и сам Трегарт.

Впоследствии, в процессе написания многочисленных продолжений, Нортон превратит свой Колдовской мир в своеобразный перекресток, где будут сталкиваться представители самых разных культур и цивилизаций, сумевшие открыть свои Врата. Помимо истории Саймона Трегарта и его детей, это и трилогия о Грифоне, и цикл «Секреты Колдовского мира», и еще не один десяток романов и сборников рассказов. Но именно первая книга с ее простой фабулой и весьма непростой сюжетной коллизией вошла в золотой фонд мировой фантастики.

Любопытно, что относительно Колдовского мира и мира технократов-колдеров наша Земля занимает, так сказать, промежуточное положение. Да-да, цивилизация людей далеко не только техногенна, и то, что полковник Трегарт обнаруживает у себя некие зачатки магических способностей, совсем не удивительно. Именно поэтому он, с одной стороны, так легко и на равных встраивается в социум эсткарпских колдуний, в котором мужчины традиционно занимают подчиненное положение, а с другой — благодаря прошлому опыту находит объяснение поведению загадочных и кровожадных колдеров. В романе Саймон Трегарт не в последнюю очередь выступает своего рода «переводчиком». Благодаря объяснениям Трегарта его соратники понимают, что все «черное колдовство» колдеров, превращающих свои жертвы в послушных бездушных марионеток, — результат использования технических, а не магических методов. Больше того: при необходимости он без особого труда использует захваченные у неприятеля «трофеи».

Таким образом, нет никакой натяжки в том, чтобы назвать борьбу Эсткарпа с колдерами и их приспешниками именно войной трех миров: ведь Земля, в лице полковника Трегарта, является ее непосредственным участником.

Яркая особенность творчества Андрэ Нортон, весьма наглядно проявившаяся в «Колдовском мире», — редкостное умение, не перегружая повествование избыточными деталями и навязчивым «психологизмом», буквально несколькими штрихами обозначить весьма и весьма глубокий подтекст. В первую очередь это касается самой личности Саймона Трегарта. Фактически роману предшествует

другой — динамичный военно-криминальный боевик, спрессованный автором в несколько страниц, посвященных побегу Саймона сперва от партнеров по нелегальному бизнесу, а затем и вовсе за пределы нашей реальности. И этот мини-роман исчерпывающе объясняет, почему именно Колдовской мир оказался для нашего героя наиболее подходящим местом.

Полковник — «бывший полковник», как он сам любит подчеркивать, — авантюрист и преступник, оказавшийся на скользком пути, но не потерявший понятий о чести и более всего мечтающий вернуть себе имя порядочного человека. Что ж, надо признать, Саймон Трегарт сполна сумел воспользоваться полученным шансом.

Хочется отметить, что «земная» часть повествования происходит через семь-восемь лет после окончания Второй мировой — то есть примерно в 1953 году. Учитывая этот факт, не будет большой натяжкой предположить, что сама личность Трегарта — своего рода метафора всего американского общества, живущего в постоянном страхе, что их настигнут «плохие парни» с той стороны фронта холодной войны. (Замечу в скобках, что именно из этого страха в значительной степени проистекает весь бум фэнтезийной литературы 50—60-х: ее эскапизм — своего рода возможность вырваться из полной ежеминутных угроз реальности и пусть на несколько часов, пусть в шкуре героя, но очутиться в ином мире, опасности которого, по крайней мере, контролируемы.) Однако повторюсь: всеразрушающая угроза в новом доме Саймона исходит именно от техногенной цивилизации, по уровню развития намного обогнавшей земную. То

есть круг замыкается, и рукотворный апокалипсис вновь встает на пороге.

Зато теперь, в отличие от своего родного мира, от Трегарта действительно зависит очень многое: он не статист, а полноправное действующее лицо. Главный герой.

На этом фоне вторая сюжетная линия, история Лойз Верлейнской, кажется куда более плоской, даже вспомогательной. Кстати, любопытно, что в некоторой степени линия Лоис является отражением линии Саймона: и беглец с планеты Земля, и беглянка из замка Верлейн в схожих обстоятельствах спасают одну и ту же колдунью, оказываясь тем самым в русле единого сюжета.

Не менее важная функция истории Лоис состоит в том, чтобы расширить границы повествования далеко за пределы Эсткарпа с его матриархатом колдуний, показав альтернативные пути развития — а точнее, неприемлемость таких альтернатив.

Не будет преувеличением сказать, что сконструированная Нортон система — воплощение пресловутого ретроидеала, один из вариантов «Потерянного Рая» или «Золотого Века»: отказ от старых, традиционных ценностей в угоду мнимому прогрессу, социальному или научно-техническому, не приводит ни к чему, кроме увеличения страданий. Недаром именно представители древней расы Эсткарпа демонстрируют природный иммунитет к зомбирующим техникам колдеров. Их можно убить, но не поработить. При выборе между древней магией Эсткарпа, грубой силой Карса, Алисона и Верлейна или бесчеловечной наукой Колдера симпатии как автора, так и читателя,

безусловно, находятся на стороне первой: «прогресс» в парадигме романа не несет ничего хорошего.

В этой связи можно без особой натяжки предположить, что весь «феминистический» посыл книги — не дань новомодным общественным веяниям «бунтующих шестидесятых», а, опять же, отсылка к глубокой древности человечества, ко временам первобытного матриархата, пусть и крайне идеализированного, и романтизированного.

Мы сознательно избегаем любых подробностей сюжетных перипетий: они стоят того, чтобы каждый ознакомился с ними самостоятельно и с максимальным удовольствием. Нам хотелось лишь показать, что эта на первый взгляд простая и непритязательная фэнтезийная история, «сказочка» для разгрузки мозгов, на самом деле способна навести вдумчивого читателя на вполне серьезные размышления — разумеется, если читатель имеет к таким размышлениям определенную душевную склонность. А если нет — не беда, с функцией развлекать и отвлекать книга тоже справляется на отлично.

О чем сказать в заключение этой статьи? Есть книги, мгновенно завоевывающие любовь миллионов читателей. Есть книги, порождающие целый шлейф подражателей и эпигонов. А есть такие, которые в одночасье меняют само представление о возможном. Раздвигают границы и открывают новые горизонты. И «Колдовской мир» Андрэ Нортон — одна из таких по-настоящему редких книг.

*Аркадий Рух,
Андрей Щербак-Жуков*

КОЛДОВСКОЙ МИР

*У меня нет дара слагать песни.
Недостает мне и терпения, чтобы
следить за тем, как я использую слова.
Я вовсе не красноречив. Но если человеку
случается пережить невероятные
события, в нем рано или поздно
пробуждается желание поведать о них —
пусть и нескладно — своим потомкам,
дабы те знали, на что способны были
предки, и в этом знании черпали бы силы
для себя.*

Книга I

КОЛДОВСКОЙ МИР

Часть первая

СУЛЬКАР

Глава 1

ГИБЛОЕ МЕСТО

Над грязной улицей висела завеса косо­го до­жда. Дождь смывал сажу с обшарпанных стен, оставляя кислый привкус во рту рослого мужчины, который, держась поближе к домам, шел широким шагом, настороженно вглядываясь в темные проемы подъездов и расщелины переулков.

Саймон Трегарт сошел с поезда часа два или три назад. Впрочем, ему больше незачем следить за временем, ибо куда же спешить беглецу, загнанному в угол, как крыса. Но нет, он не прячется! Саймон вышел на открытое место — как всегда, в полной боевой готовности, с высоко поднятой головой.

Это сперва, когда все только началось, когда у него оставалась хоть искра надежды и он пускал в ход всю свою звериную ловкость, изворачивал-